

БУТЕРБРОД С КРАКОВСКОЙ

ОКСАНА РАБАТОВА

Оксана Рабафф

Бутерброд с краковской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67084952

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90492-7

Аннотация

Эта история произошла в далеком городе «Н» на Востоке нашей страны. Хотя, конечно, произойти она могла, где угодно. В любом городе, где есть два одиноких сердца, рыжий кот и скучающая старушка.

Оксана Рабафф

Бутерброд с краковской

Часть первая

ФЁДОР

– Тётя Маша, оставьте, я помогу. – Крепкий, широкоплечий мужчина ловко раскладывал тёплые булки в пакеты, а потом и на полки в небольшом ларьке.

Старая потёртая вывеска коротко, но ёмко заявляла: «ХЛЕБ». Ларёчек этот стоял тут, сколько Фёдор себя помнил. И тётя Маша бессменно была в нём продавцом. Иногда он вспоминал её ещё достаточно молодую, с завивкой на термобигуди. Откуда он знал про термобигуди? Всё просто: у его мамы были точно такие. Так вот. Теперь тётя Маша была уже бабушкой. Возраст и труд округлили её спину. Волосы стали белыми, по крайней мере, те, что видны из-под косынки. Руки с аккуратными ноготками покрывали мелкие-мелкие морщинки. Но они всегда были тёплыми и нежными. Тётя Маша носила вязаные кофты и пахла ландышами.

– Всё! В четыре привезу ещё. – Фёдор осторожно обошёл счастливую продавщицу.

– Ох, Федя! Спасибо тебе, родной. Помог старушке-хохотушке. Совсем я уже немощная стала.

– Да что вы, тётя Маша. Вы ого-го! Мы вас ещё замуж выдадим! – Он захлопнул двери фургона.

– Лучше давай тебя женим! И старушка порадуетя, и ты, такой хороший, один не будешь. – Она по-матерински хлопала Фёдора по плечу.

– Конечно, женим, тётя Маша! Пока просто работа, всё некогда по невестам бегать.

На самом деле, у Фёдора не складывалось с женщинами. Доброту нынче не ценили, труд подавно. Всем денег подавай да отпуска заграничные.

На этом разговор кончился. Свежим хлебом пахло на всю округу. Тётя Маша принялась обслуживать набежавших по случаю покупателей. Фёдор завёл фургон и направился дальше. День предстоял тяжёлый. И это после ночной смены в пекарне. Сейчас за молоком и сыром. Развести по магазинам. Потом снова за хлебом. Хочешь жить, умей вертеться.

Детство у Фёдора было очень счастливое. Были мама и папа, лошадка-качалка и мишка, которого отец купил, отдав за него, наверное, всю тогдашнюю зарплату. Речка и дача, и отпуск на море. Футбольная коробочка сразу за домом и много друзей. Потом Фёдор учился, принося домой пятёрки, чем выбивал у отца скупую слезу. Мама очень им гордилась. Учёба давалась ему легко. Планы у родителей были на Федю самые грандиозные. Уже выбирали, куда поступать. А потом случилось страшное. Так, как обычно оно и случается. Внезапно как снег на голову.

Папа слёг с инфарктом. Мама бежала к нему в больницу, плача, умоляла главврача пустить её в реанимацию. Главврач, хоть и был человеком суровым, но не лишённым человечности. И скоро мама уже не просто ходила к папе в реанимацию, а ещё и бульон носила. На домашней еде и поправится быстрее. Федя в это время сидел в приёмном. Бледный, как простыня. Спазмы сковывали желудок. Он сжимал кулаки и говорил себе: «Ты же МУЖЧИНА!» Папа лежал долго. Родные волновались. А мама улыбалась и говорила, что всё наладится, просто случай сложный.

Зимнее утро, в комнате темно. Будильник ещё не сработал, но Федя уже проснулся. Вдруг раздался звонок. Звонил телефон. Странно. Слишком рано. Мама успела первой схватить трубку. Прислонила к уху, теребя пальцами спираль шнура. Пижама на ней сбилась. Она стояла босая. Федя хорошо запомнил эти детали. В трубке раздался голос. Мама смотрела на Федю, не отрываясь и почти не моргая. Он не слышал, о чём именно говорил голос, она слишком крепко прижала к уху трубку. Но по обрывкам фраз он понял: звонили из больницы, голос мужской. Может, папа? Поправился и звонит! Буквально секунду эта мысль грела его, почти обожгла надеждой. Но нет. Мама рухнула на стул. Трубка в руке пищала короткими гудками. Отсоединились.

– Кто это? – спросил Федя.

– Папы больше нет, – вымолвила мама, роняя трубку.

А дальше, как в тумане: родные люди, чужие люди. Все

приходили утешить маму. Потом морг, похороны. Он запомнил, как соседка подошла к нему и, погладив по голове, сказала:

– Ты теперь старший, Федя! Береги маму! – Она сунула ему в руку потёртую купюру, на похороны. Федя посмотрел на сидящую на стуле у гроба маму. Чёрный платок на голове. Чёрное платье. Она постоянно поправляла надетый на папу костюм. Искусственные цветы, лежащие в гробу. Федя смотрел и думал, как ей тяжело сейчас.

А потом и этот тяжёлый день прошёл. А за ним и другой, третий... Федя резко вырос, повзрослел. Забросил футбол и стал больше времени проводить подле мамы. Её бигуди так и лежали в коробках, тушь и тени она не трогала. Гулять ходила исключительно в шёлковом шарфе, который папа привёз ей на юбилей из Риги. Она так и плакала по ночам. Горевала. Иногда Федя находил её на кухне всю в слезах. Садился рядом, обнимал. Она сначала плакала ещё пуще, потом успокаивалась. Гладила Федю по голове и говорила:

Какой ты у меня, сынок! Сильный и добрый. Так на папу похож.

Отвлечь маму ему удалось. Он подал документы сразу в три института. Везде родители приходили с детьми, перешёптываясь и напутствуя. Федя стоял в коридоре института совсем один. Мама была на работе. После смерти папы приходилось много работать. Ведь сын должен учиться. Вешали списки. «Бюджет, хоть бы на бюджет», – думал Федя, сжи-

мая кулаки, аж костяшки на пальцах белели. И он поступил. Тогда был настоящий праздник. Собрались и мама, и крёстная, и бабушка из области приехала. Накрыли стол. С запечённой курочкой, закусками и салатами. Достали откуда-то трофейную бутылку коньяка. Выпили.

– Федя, так и сколько за учёбу платить? – спросила бабушка.

– Так на бюджет, бабуля, бесплатно, в общем, – широко улыбнулся Федя.

– Бааа, как же бабка-то рада! – Она перегнулась через стол и потрепала Федю по голове, словно ему снова пять лет. – Ох какая же ты счастливая Катя! Не сын, а радость, да и только!

Мама улыбнулась, кокетливо повернув голову набок. МА-МА УЛЫБНУЛАСЬ.

Пролетел год, другой, Федя учился, подрабатывал и помогал маме. Случилась и первая любовь. Ничего особенного, в общем. Стихи, песни под гитару и жаркие встречи, иногда в ущерб парам.

А потом опять пришла беда. Заболела мама. Суетилась в основном женская половина семьи. Дядя капитан дальнего плавания, дед немощный. Фёдору пришлось взять академический отпуск на год – на бюджете больше не давали. Мама кочевала из больницы домой и обратно. Рак ел её изнутри. Внешне она побледнела и высохла. Тёмные густые волосы с широкой полосой седины на виске и те выпали. Голову теперь украшали цветные платочки. Слабенькая, она плохо

кушала. Федя носил её по квартире, от кухни до постели. Иногда она просила вынести её подышать. Он одевал её тепло и сажал на мягкий стульчик. Мама ломала батон и кормила птичек, которые ворохом слетались на незастеклённый балкон. Лечение обходилось дорого. Бабушка продала дом, и они вместе с дедом стали ютиться в их маленькой квартире.

Первым ушёл дед. Не прожив и неделю, с горя сдалась и бабушка. Федя смотрел на всё как со стороны и не верил, что это его жизнь, что это он теряет своих самых родных, одного за другим. Они остались вдвоём с мамой. Любовь свою Федя забросил. Не до чувств ему было. Он как мог цеплялся за маму. Болезнь брала своё, но дух её был крепок. «И откуда в ней столько сил?» – думал он. Мама рассказывала ему много историй, особым вниманием баловала папу, про него звучало чаще. Начала с самого их знакомства, с венчания в простенькой церкви, с рождения Феди. Оказывается, у них даже кот был. Федя его отчего-то не помнил. Он убежал, когда ему было пять. Странно, он же помнил карусели и сахарную вату. А кота – нет. Всё-таки память очень избирательна. И она всё рассказывала и рассказывала. Казалось, Федя смотрит фильм о ней. Где мама – главный герой.

– Федя, а позови, пожалуйста, к нам завтра батюшку.

– Мама, а ему, наверное, надо заранее говорить, вдруг он не может завтра?

– Ну, ты позови, а там как придет.

Удивительно, но батюшка пришёл почти сразу. А на сле-

дующий день мама тихо ушла. Федя покормил её и пошёл мыть посуду. Вернулся предложить чай и замер. Он сразу понял. Подошёл и прикоснулся к руке. Ещё тёплая. Но уже неживая. Мама больше не заговорит, не обнимет. Федя плакал, сначала тихо, по-мужски, смахивая ладонью слезы, потом громче, в голос. Вот и всё... вот и всё...

В институт Федя уже не вернулся. Пошёл служить. Два года пролетели быстро. А потом учиться уже не хотелось. Никто за него не радовался. Зачем ему теперь всё это? Зашёл в пустую квартиру. Прибрал. Смахнул пыль с книг и фотоальбомов. Немножко полистал, возвращаясь мыслями обратно. Сходил за продуктами. В хлебном ларьке тётя Маша заботливо сунула ему бумажку с номером.

– Хлебозавод наш, Федя, давай, им водитель нужен. Ты же водишь! – Она поправляла цены на булочках. Феде не хотелось уходить. Хорошо было говорить с ней. Как кусочек чего-то родного. – А что? Из армии сразу на работу! При деле будешь. Всё не скучно, – улыбнулась старушка.

ТЁТЯ МАША

Она смотрела полуслепыми глазами на мир, сквозь небольшое окошко ларька. Он был для неё как второй дом. Весной приятный ветерок приносил ароматы трав и цветов. Летом в нём было прохладно. Осенью она смотрела в маленькое окошко на то, как опадают листья. Зимой, включив

обогреватель, ютилась на неудобной табуретке, ласково наглаживая сидящего на коленях кота, рыжего и толстого. Рядом мясная лавка, где он тоже частый гость. Вообще-то, кота в ларёк было нельзя. Но тётя Маша не первый год жила, знала: нет ничего, что нельзя, есть только хорошо или плохо. А нельзя – это как посмотреть. Им с котом хорошо. Кто их вообще будет проверять? В остальном же тётя Маша была слишком добропорядочной гражданкой и работу свою любила.

Дочь её жила далеко. В столице. Замужем за каким-то там начальником. Петром величать. И внучка Ниночка. Поздний, но долгожданный ребёнок. Бабушка каждый месяц собирала для внучки то посылку, то открытку. Отправляла почтой. То куколку, то мозаику, то краски прикупит и листов. Внучка потом звонила и благодарила. Потом трубку брала дочь, и они ещё час говорили о том о сём. А что ещё нужно? Старушке-то много не надо.

В молодости тётя Маша была первой красавицей, работала на хлебозаводе и пела в хоре. Песни и частушки. Сама себя она называла старушка-хохотушка. С мужем у них не срослось, они тихо мирно разошлись. Давно его уже в живых не было. За дочь она его, конечно, благодарила, в остальном же поминать его не любила. Да и когда тебе восьмой десяток, не до воспоминаний особо. Ценнее становится «здесь и сейчас».

Очень любила наблюдать за людьми. За их судьбами. Вот,

например, девочка, с чьей мамой они вместе пели в хоре. А потом смотришь, а она-то уже не девочка, женщина, а вот и сын её вымахал аж на голову выше. И когда это произошло? Не успеешь моргнуть, уже и сын за хлебом приходит с пишущим свёртком в розовой коляске. Любила тётя Маша жизнь, очень любила.

Бережно посмотрела на коробку. Ниночке точно понравится. А вот и Алёнка идет:

– Алёнушка, доброе утро! – поприветствовала старушка-хохотушка.

– Доброе, тётя Маша. Мне булочек с маком и хлебушка кирпичик. С девочками чаю попьём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.